

ЮРИЙ ГРИГОРОВИЧ:

Культура - 2007 - 11-17
январь - с. 1, 12.

1

У меня еще есть время, и пока – не до мемуаров!

Ю. Григорович

С творчеством Юрия ГРИГОРОВИЧА связана судьба советского балета второй половины XX века. Эпоха Григоровича длилась в Большом театре более тридцати лет и прославила Большого балет на весь мир. На этой сцене он поставил 16 балетов. "Щелкунчик" и "Спартак", "Иван Грозный" и "Ромео и Джульетта", "Легенда о любви" и "Золотой век". Международные маршруты гастролей ГАБТа при Григоровиче охватили весь мир и числом превышают сотню. Спектакли Григоровича украшали афиши Парижа (единственный советский балетмейстер, который три раза ставил на сцене Гранд-Опера) и Милана, Рима и Копенгагена, Вены и Стокгольма. Перечислять все города слишком долго. Среди балетов немало долгожителей: "Щелкунчик" – 40 лет, "Спящей красавице" – 42 года, а "Каменный цветок" появился полвека назад.

Григоровича объявляли новатором, а позже – консерватором, критиковали за пристрастие к советским идеям, обвиняли в жестокости и тяге к эротике. Его сегодняшние должности (президент Международного союза деятелей хореографии, почетный президент Комитета танца Международного института театра ЮНЕСКО, председатель многих балетных конкурсов и Приза "BENOIS DE LA DANSE", руководитель театра в Краснодаре), награды и звания (их около полусотни) не имеют ровно никакого значения, потому что уже давно все понятно и так: его имя – больше чем имя. 2 января Юрию Григоровичу исполнилось 80 лет. Этому юбилею посвятил фестиваль Большой театр, который 18 января завершится балетом-концертом. Вчера отметили юбилей Мастера в Краснодаре, а 28-го торжества пройдут в Ковент Гарден. В праздничной программе – три сюиты: "Спартак", "Золотой век" и "Щелкунчик". Мы встретились в преддверии юбилея, за день до Нового года.

– Вчера вы вернулись из Сеула, через неделю – Краснодар, Лондон и далее – весь мир... Не трудно ли поддерживать такой график?

– Оказываюсь там, где кому-то нужен, ни о каких приглашениях сам не прошу. В Сеуле танцевали моего "Щелкунчика" и обсуждали будущие проекты. Живу, да и всегда так было, в постоянных перемещениях, и вдруг понял, что как-то неожиданно наступила такая серьезная дата. Все стремительно промелькнуло: и три десятилетия в Большом, да уже и после ухода – более десяти лет. Эту скоротечность трудно понять, особенно в молодости. Точно сказал Оскар Уайльд, что трагедия старости заключается не в том, что ты чувствуешь себя старым, а в том, что ты чувствуешь себя молодым. Все время "скачу" со своими ребятами в Краснодаре, а

им по 18 лет. Все показываю, недавно "Ивана Грозного" с ними перетанцевал – и массовые партии, и монологи. Конечно, уже не так, как в молодости, в "Шурале" или в "Красном маке".

– Почему так редко соглашается на интервью?

– Всех интересуют скандалы. На днях уговорили встретиться с корреспонденткой телевидения. Думал, речь пойдет о балете, но оказалось, что ее этот предмет совершенно не интересует, ей хотелось покопаться в личных отношениях и получить мою оценку творчества современников. Это очень трудно. Должно пройти время. Готов беседовать о Петипа, Баланчине, Шостаковиче. Своих коллег не хочу ни хвалить, ни ругать. Да и всем нравиться невозможно, у каждого свои взгляды и вкусы. В этом нет ничего удивительного.

– Тогда о Шостаковиче и расскажите – подходит к финалу год композитора.

– Еще с балетной школы знал и любил музыку Шостаковича, она всегда на меня очень действовала. Конечно, я не был его близким другом, который каждый день запросто заходил на чай. С Дмитрием Дмитриевичем меня познакомил Мария Дмитриевна Шостакович, его сестра – моя учительница музыки в хореографическом училище. Она нам много рассказывала о брате, играла его произведения, водила на концерты, где дирижировали Евгений Мравинский, Курт Зандерлинг, играл Владимир Софроничский. Все встречи с Дмитрием Дмитриевичем были для меня значительными. Присутствовало ощущение, что сидишь и разговариваешь с гением. Он был необыкновенно нервным человеком, восприимчивым к каждому произнесенному слову.

Мне всегда хотелось поставить что-то на его музыку. Все три его балета были запрещены. Мой учитель

Федор Васильевич Лопухов, который первым поставил "Светлый ручей" и "Болт", поддержал меня. Я приходил несколько раз к Дмитрию Дмитриевичу с этой идеей, но безрезультатно. Возможно, та травля (истории со статьями в газете "Правда" всем известны) больно отдавалась, но он говорил: "Не надо реанимировать". И разговор заканчивался.

– Это касалось только уже написанных трех балетов?

– Да, другие планы мы обсуждали, но они тоже не осуществились. Одно время хотели делать балет "Свод", взяв за основу музыку к кинофильму, потом – "Дон Жуана". У Шостаковича с театром отношения, так грубо прерванные в самом начале, складывались непросто. Для Большого он писал оперу "Тихий Дон". Александр Медведев, в то время заведующий репертуарной частью, и я были свидетелями, когда он сам проиграл большую картину "Тихого Дона". И пропел, как поют все композиторы. А потом вдруг потерял ко всему интерес.

В годы оттепели в Кировском театре хотели ставить "Леди Макбет". Идея принадлежала главному дирижеру Эдуарду Грикурову, художником должен был стать Симон Вирсаладзе, мне доверилось ставить танцы. Композитор пришел на встречу с труппой. К стыду, артистов было мало. Шостакович пропел и проиграл всю оперу, и замечательная певица Софья Преображенская спросила: "Митя, а может быть, и "Нос" скоро поставим?" Шостакович, пробежав легким пассажем по клавиатуре, ответил: "Все может быть". Не осуществилось ни того, ни другого: Грикуров ушел из театра, а "Нос" был поставлен гораздо позже великими художниками – режиссером Борисом Покровским и дирижером Геннадием Рождественским.

(Окончание на 12-й стр.)